

A full-page portrait of a man with dark hair and a beard, wearing a dark suit jacket over an open white shirt and a gold chain with a medallion. He is looking directly at the camera. The background is a blurred city street at night with warm lights and a clock tower.

ВЕРА
РУДЕЦКАЯ

ПЛЕННИЦА
МАРДИНА

ТУРЕЦКИЙ ЯСТРЕБ

18+

Вера Рудецкая

Пленница Мардина.

Турецкий ястреб

<https://litres.ru/73235232>

SelfPub; 2026

Аннотация

После детского дома я мечтала лишь о независимости и тихой жизни с братом. Но вместо этого оказалась пленницей Шахина Асланбея — мужчины, привыкшего подчинять мир своей воле. Его роскошный дом в Мардине стал моей клеткой, а сам он — самым страшным испытанием.

Я борюсь с притяжением, отчаянно ища пути к побегу. Но как победить в этой игре, если враг предсказывает каждый мой шаг и, кажется, уже начал читать мою душу?

Приглашаю окунуться в мир, где любовь и ненависть переплелись в смертельный узел.

Добро пожаловать в Мардин — древний турецкий город. Каменные стены домов впитали кровь и слёзы, а улочки хранят опасные тайны. В центре истории — уважаемое семейство, чей дом стал свидетелем множества судеб. Но в самой глубине его стен плетутся безжалостные интриги, способные испепелить всё.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 7	47
Глава 8	56
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вера Рудецкая

Пленница Мардина.

Турецкий ястреб

Добро пожаловать в Мардин — древний турецкий город, вросший в камень и истёртый временем. Его стены впитали кровь и слёзы поколений, а узкие улочки шепчут о тайнах, которые лучше не тревожить. Любовь и ненависть сплетаются здесь в тугой, почти неразрешимый узел.

В самом сердце города стоит дом уважаемого семейства — молчаливый хранитель судеб. Но в глубине его стен уже зреют интриги, способные обратить в пепел не одну жизнь.

Глава 1

Восемь часов на ногах. Подошвы туфель горят, а каждый шаг отдаётся тупым гулом в икрах. Я лавирую между столиками, стараясь не замечать усталость, натягиваю на лицо дежурную улыбку и киваю очередному клиенту.

За огромным окном ресторана питерский август плачет холодным дождём. Капли стекают по стеклу, размывая огни Невского проспекта в акварельные пятна. Там, на улице —

сырость и промозглый ветер, здесь – тёплый кокон, пахнущий кофе, корицей и мокрыми плащами. Звон вилок о тарелки, приглушённый смех, гул разговоров – всё это сливается в один монотонный шум, который я научилась не слышать.

Мои мысли далеко отсюда. В голове работает безжалостный калькулятор. Пятьсот рублей чаевых с того столика, может, триста – с этого. Нужно оплатить комнату до конца недели. Купить проездной. Новые кроссовки для Максима – он пожаловался, что старые в дырах. А над всеми этими мелкими, неотложными нуждами нависает главная цель, мечта, выжигающая все остальные мысли, – забрать его. Забрать из интерната навсегда. Ради этого я здесь, ради этого готова терпеть всё.

– Волкова, шевелись! Пятый столик ждёт счёт! – раздаётся резкий голос администратора Анжелы.

Я мысленно закатываю глаза, но вслух отвечаю:

– Уже бегу!

Терпеть не могу, когда мне приказывают, но работа есть работа. Особенно когда от неё зависишь не только ты.

Я хватаю папку со счётом и направляюсь к пятому столику, привычно натянув улыбку.

Что-то меняется. Я чувствую это кожей, как чувствуешь приближение грозы. В воздухе появляется напряжение.

Анжела, которая секунду назад отчитывала новенькую за нерасторопность, вдруг застывает с полуоткрытым ртом.

Хищное выражение лица сменяется подобострастной, почти испуганной улыбкой. Новенькая роняет поднос. Звон разбитой посуды тонет в общей атмосфере. Я прослеживаю их застывшие взгляды к входной двери и понимаю причину переполоха.

Незнакомец в чёрном плаще заполняет собой всё пространство. На его запястье тускло блестят дорогие часы.

Тёмный взгляд проходится по залу, ни на ком не задерживаясь, и безошибочно находит меня. Я замираю с подносом в руках. Он смотрит как охотник, выбравший добычу. Изучающе, оценивающе, с холодным обещанием.

По спине пробегает неприятный холодок. Это смесь страха и почему-то... злости. Кто он такой, чтобы так смотреть на меня? Я вздергиваю подбородок, встречаю его взгляд на долю секунды – ровно столько, чтобы он понял, что я его заметила, – и демонстративно отворачиваюсь к соседнему столу, принимая заказ. Я не буду очередной испуганной овечкой в его стаде. Не дождётся. Но я чувствую, как его взгляд продолжает буравить мою спину.

Незнакомец садится за столик в дальнем углу. Разумеется, в моей зоне. Я делаю глубокий вдох, мысленно приказывая сердцу перестать так колотиться. Это просто клиент. Наглый и богатый клиент. Я беру блокнот и подхожу к его столу, сохраняя на лице маску профессиональной вежливости.

– Добрый вечер. Готовы сделать заказ?

Он не смотрит в меню. Он смотрит на меня. А потом мед-

ленно, с какой-то ленивой грацией, кладёт на стол плитку шоколада. Обёртка из тёмной, матовой бумаги с золотым тиснением. Такой не купишь в обычном магазине. Он молча двигает её по гладкой поверхности стола ко мне.

– Для вас. Шоколад.

Его русский – ломаный, с твёрдыми согласными и гортанным акцентом. Турок. Я сразу узнаю произношение, которое уже третий год пытаюсь освоить в университете.

Ирония судьбы.

– Спасибо, но сотрудникам запрещено принимать подарки от клиентов, – отвечаю заученной фразой.

Его губы трогает лёгкая улыбка, но глаза остаются холодными.

– Я не клиент.

– Вы сидите за столиком в ресторане, где я работаю. Значит, клиент. Что будете заказывать? – я намеренно возвращаю разговор в деловое русло.

Улыбка исчезает. Он снова толкает шоколад к краю стола, почти к моим рукам.

– Возьми. Ты должна взять.

Голос тихий, но с нажимом. И угроза в нём вполне реальная. Внутри всё закипает от гнева. Кто он такой, чтобы мне угрожать? Я уже открываю рот, чтобы выдать что-нибудь резкое, но незнакомец одним движением рушит все мои планы. Он кивком подзывает Анжелу.

Наш администратор подлетает к столику мгновенно, её

лицо выражает паническую готовность услужить. Незнакомец что-то тихо говорит ей, не сводя с меня изучающего взгляда. Я не слышу слов, но вижу, как бледнеет лицо Анжелы. Она испуганно кивает и почти тащит меня за локоть в сторону от стола.

– Волкова, ты в своём уме? – шипит она, её глаза бегают.
– Это Шахин Асланбей!

– И что?

– А то! Он новый компаньон нашего директора! Ещё и лучший друг, представь себе. Он сказал, если ты сейчас же не примешь шоколад, завтра вся наша смена будет искать новую работу! Вся! Понимаешь? Умоляю тебя, просто возьми этот треклятый шоколад!

Анжела смотрит на меня взглядом, в котором смешались страх и мольба. Я смотрю на неё, потом на Шахина Асланбея. Он сидит там, спокойный и уверенный, наблюдая за этой сценой. Он победил. Он загнал меня в угол. Моё упрямство будет стоить работы не только мне, но и другим девчонкам, которые ни в чём не виноваты. Я сглатываю ком в горле. Выбора нет.

Выдыхаю, стараясь успокоить бурю внутри. Гнев, унижение, бессилие – всё это смешивается в один горький коктейль. Я расправляю плечи и с каменным лицом иду обратно к его столику. Анжела смотрит мне вслед с облегчением. Он – с холодным триумфом.

– Благодарю за шоколадку, – произношу я, вкладывая в

каждое слово столько льда, сколько могу.

Протягиваю руку и беру плитку. Его пальцы на мгновение касаются моих, и по коже пробегает разряд. Я быстро отдёргиваю руку. В его глазах мелькает тень победной усмешки. Он думает, что сломал меня, заставил подчиниться. Дурак.

Я разворачиваюсь и иду прочь. Направляюсь прямо к стойке, где новенькая и ещё пара официанток разбирают приборы. Они смотрят на меня с завистью.

– Девчонки, смотрите! – мой голос звучит нарочито громко и весело, так, чтобы его было слышно в углу. – Подарок от очень щедрого господина. Нас всех угощают!

С этими словами я решительно вскрываю дорогую обёртку, ломаю плитку на несколько кусочков и протягиваю им. Новенькая неуверенно берёт один, потом остальные тоже тянут руки. Я чувствую его взгляд на своей спине – тяжёлый, прожигающий. Заставляю себя не оборачиваться, но один раз не сдерживаюсь и всё-таки смотрю. С его лица исчезает победная усмешка. Оно становится непроницаемым, как гранит, но в глубине тёмных глаз разгорается опасный огонёк.

Я не подчинилась. Выполнила приказ, спасла смену от его гнева, но не прогнулась. Я взяла его подарок и обесценила, разделив между всеми. И, кажется, он это прекрасно понял.

Остаток часа до закрытия тянется, как резина. Я старательно избегаю его угла, прошу новенькую отнести ему ко-

фе, который он в итоге заказывает. Но я всё равно чувствую его взгляд на затылке. Шахин наблюдает.

Анжела, заметив, что клиент собирается уходить, настойчиво кивает мне:

– Волкова, счёт.

Сердце делает кульбит, но я заставляю себя дышать ровно. Распечатываю чек, вкладываю его в кожаную папку и несу. Последний раунд.

Я молча кладу папку на стол. Шахин не смотрит на неё. Он смотрит на меня снизу вверх, откинувшись на спинку стула. В его глазах – темнота.

– Счёт, – коротко говорю я.

– Я вижу, – его голос ровный и тихий. Он открывает портмоне, достаёт несколько крупных купюр и кладёт их рядом с папкой. Сумма в несколько раз превышает его заказ. А потом, глядя мне прямо в глаза, произносит:

– Триста тысяч.

Я не сразу понимаю, о чём он.

– Триста тысяч – что?

– За одну ночь, – поясняет Шахин, видя моё замешательство. – С тобой.

Триста тысяч. Эта сумма взрывается в моей голове фейерверком.

– Я не продаюсь, – выцеживаю сквозь зубы. – Ни за триста тысяч, ни за два миллиона.

Я ожидаю чего угодно: гнева, уговоров, насмешки. Но

Шахин лишь медленно кивает, словно я подтвердила какую-то его теорию. Он встаёт. Высокий, мощный, нависает надо мной, и я невольно делаю шаг назад.

Он не говорит больше ни слова. Просто смотрит на меня долгим, нечитаемым взглядом. В нём нет злости. В нём есть что-то гораздо хуже – уверенность. Обещание. Угроза. Взгляд собственника, который смотрит на вещь, которая уже ему принадлежит, просто она об этом ещё не знает.

Затем Шахин Асланбей разворачивается и уходит. Оставляя на столе деньги и оглушительную тишину.

Когда за ним закрывается дверь, я несколько секунд не могу сдвинуться с места. Я опираюсь рукой о спинку стула, чтобы унять рожь в коленях.

Анжела подлетает к столу, её глаза широко раскрыты.

– Волкова, он... он столько денег оставил!

– Возьмите, сколько нужно по счёту. Остальное – в общие чаевые, – бросаю я, не желая даже прикасаться к этим грязным деньгам.

Анжела смотрит на меня как на сумасшедшую, но молча делает, как я сказала.

Последние полчаса проходят в тумане. Я убираю посуду, протираю столы – привычные, монотонные действия помогают вернуть ощущение контроля. Я пытаюсь убедить себя, что всё кончено. Просто очередной богатый придурок с непомерным эго. Мало ли таких в Питере? Завтра он обо мне и не вспомнит, найдёт себе другую игрушку. Но его послед-

ний взгляд никак не выходит из головы.

Наконец, смена окончена. Я переодеваюсь в подсобке, меняя униформу на старые джинсы и толстовку. В голове пустота. Старательно вытесняю из неё образ тёмных, всевидящих глаз и думаю о реальном. О том, что завтра утром у меня лекция по искусству Византии, которую нельзя пропустить. О том, что послезавтра суббота.

День Максима.

Я представляю, как приеду к нему в интернат, как мы будем сидеть в актовом зале, и он будет взахлёб рассказывать мне о своих достижениях. Я мечтаю, как однажды – очень скоро, я себе это обещаю – я приеду туда не с пакетом фруктов, а с документами на опеку. Как мы войдём в нашу собственную, пусть и крошечную, съёмную квартиру. И нам больше никогда не придётся расставаться. Эта мечта – единственное, что придаёт мне сил.

Я прощаюсь с девчонками и выхожу на улицу. Дождь почти закончился, оставив после себя лишь холодную свежесть и мокрый, блестящий асфальт, в котором отражаются огни фонарей. Город по-прежнему гудит.

Я делаю глубокий вдох, чувствуя, как напряжение долгого вечера наконец-то отпускает.

Всё хорошо. Я иду домой.

Делаю шаг с тротуара, намереваясь перейти на другую сторону улицы. Впереди – мой дом, тёплая постель, спасение. Улыбаюсь своим мыслям.

В этот момент из-за угла выезжает большой чёрный автомобиль. Я успеваю лишь удивлённо поднять бровь, прежде чем он резко тормозит прямо передо мной.

Боковая дверь с грохотом отъезжает в сторону.

Я не успеваю ни закричать, ни отшатнуться. Из тёмного проёма выскакивают двое. Сильные, безликие тени в чёрном. Один хватается меня за руки, заламывая их за спину, другой зажимает мне рот ладонью в жёсткой перчатке. Мой крик тонет, превращаясь в подавленный хрип. Я отчаянно брыкаюсь, пытаюсь ударить, но меня держат железной хваткой.

Мир превращается в калейдоскоп смазанных огней и паники. Меня вталкивают в фургон, я падаю на холодный металлический пол. Прежде чем я успеваю что-то сообразить, к лицу прижимают влажную ткань.

Резкий, сладковатый запах ударяет в нос, лёгкие горят. Сознание уплывает.

Дверь с грохотом захлопывается. Мир исчезает. Остаётся только темнота и оглушительная уверенность в том, кто именно отдал приказ.

Глава 2

Первое, что я чувствую, – это тряска.

Тело подбрасывает на жёстком сиденье, голова ударяется обо что-то мягкое. Я пытаюсь открыть глаза, но веки словно налиты свинцом. Во рту – вата, горло перехватывает, в висках пульсирует тупая боль. Я делаю вдох – воздух пахнет кожей и чем-то терпким, незнакомым.

Гул. Монотонный, навязчивый гул мотора.

Я в машине.

Память рвётся назад, сквозь липкий туман в голове. Ресторан. Дождь. Улица. Чёрный фургон. Руки, зажимающие рот. Сладковатый запах ткани у лица.

Точно! Меня похитили.

Я дёргаюсь, пытаюсь сесть, но тело не слушается. Руки и ноги будто чужие, бесполезные. Удаётся только приподнять голову и тут же уронить её обратно на что-то мягкое – подушку или сложенную куртку.

Темнота. За окном – только тьма и редкие вспышки света, проносящиеся мимо. Фонари. Мы едем по трассе?

Сколько времени прошло? Где я?

Я пытаюсь сглотнуть, но горло саднит. Хочется закричать, но из груди вырывается только хриплый стон.

– Не двигайся.

Голос. Низкий, спокойный, доносится откуда-то из тем-

ноты впереди.

Его голос.

Я замираю. Сердце колотится так громко, что, кажется, его слышно в салоне.

– Ещё рано, – продолжает он. – Если попытаешься резко встать, тебя будет тошнить.

Он говорит об этом так буднично, словно речь идёт о таблетке от головной боли, а не о том, чем меня отключили.

Я сжимаю кулаки – или пытаюсь. Пальцы едва шевелятся.

– Где... – голос срывается, превращается в сиплый шёпот. Я сглатываю, заставляю себя повторить громче: – Где я?

Тишина. Только гул мотора и шорох шин по асфальту.

Потом он отвечает:

– В дороге.

Ярость вспыхивает где-то глубоко, но тело всё ещё отказывается подчиняться. Я снова пытаюсь приподняться, опираясь на локоть. Мир плывёт. Желудок сводит судорогой, к горлу подступает тошнота.

– Я же предупредил, – голос остаётся невозмутимым.

Я рушусь обратно, зажмурившись, и тяжело дышу через нос, борясь с приступом дурноты. Ненавижу. Ненавижу его. Ненавижу эту беспомощность.

Машину качает на повороте. Я перекатываюсь набок, уткнувшись лбом в спинку сиденья. Кожа прохладная. Дорогая кожа. Дорогая машина. Всё дорогое, всё продуманное.

Я пытаюсь сосредоточиться, собрать мысли в кучу. Питер.

Меня похитили в Питере. Сколько времени прошло? Час? Два? Больше?

За окном мелькает яркий свет – заправка или придорожное кафе, – а потом машину снова поглощает тьма.

Мы далеко. Очень далеко.

Страх, холодный и липкий, ползёт по спине.

– Куда... куда ты меня везёшь?

На этот раз он не отвечает.

Я слышу его дыхание – ровное, спокойное. Он сидит рядом с водителем. Я различаю его силуэт в тусклом свете приборной панели. Широкие плечи, прямая спина. Он даже не оборачивается.

– Ответь мне! – я пытаюсь вложить в голос ярость, но он звучит жалко, почти умоляюще.

Молчание.

Только гул. Бесконечный, убаюкивающий гул мотора.

Я зажмуриваюсь, стиснув зубы. Максим. Мне нужно вернуться в Питер. Максим ждёт меня в субботу. Что он подумает, если я не приеду?

Слёзы жгут под закрытыми веками, но я не даю им пролиться. Не дам ему этого удовольствия. Не дам.

Тело снова становится тяжёлым, словно его тянет вниз магнитом. Разум пока затуманен. Я пытаюсь бороться, цепляюсь за реальность, но темнота всё равно наступает.

Последнее, что я слышу перед тем, как провалиться в сон, – его голос:

– Спи. Впереди долгая дорога.

И я проваливаюсь.

В следующий раз я просыпаюсь оттого, что машина оста-
навливается.

На этот раз сознание возвращается быстрее. Голова всё
ещё раскалывается, но тяжёлый туман рассеялся, и я чув-
ствую каждую мышцу своего тела – затёкшую шею, ноющую
поясницу, онемевшие ноги.

Свет. За окном больше не ночь. Серый, холодный рассвет
окрашивает всё вокруг в блёклые тона.

Я лежу на том же заднем сиденье, свернувшись калачи-
ком. Под головой – всё та же куртка. Медленно, стараясь не
шуметь, приподнимаюсь на локте и смотрю в окно.

Шлагбаум. Будка пограничного контроля. Очередь из ма-
шин.

Граница.

Сердце подсказывает к горлу. Это мой шанс. Единствен-
ный шанс.

Я сажусь, игнорируя головокружение, и тянусь к ручке
двери. Пальцы скользят по гладкой поверхности, нащупыва-
ют рычаг, дёргают – ничего. Заблокировано.

– Даже не пытайся.

Его голос почти скучающий. Только теперь замечаю – Ша-
хин сидит рядом. В утреннем свете я впервые вижу его лицо
чётко. Резкие черты, тёмная щетина на челюсти, глаза цвета
обсидиана, которые смотрят на меня с холодным любопыт-

СТВОМ.

– Открой дверь, – требую я, и голос дрожит от ярости. – Открой немедленно!

Он не отвечает. Просто смотрит.

Я колочу кулаком в стекло, один раз, второй. Боль разливается по костяшкам, но мне всё равно.

– Помогите! – кричу я в закрытое окно, хотя понимаю, что меня никто не слышит. – Помо...

Рука зажимает мне рот. Не грубо, но жёстко. Лицо Шахина в нескольких сантиметрах от моего.

– Не заставляй меня усыплять тебя снова, – говорит он тихо. – Поверь, тебе это не понравится.

Я смотрю ему в глаза. В них нет злости. Нет раздражения. Только холодная, абсолютная уверенность человека, который привык, что ему подчиняются.

Я киваю. Он медленно убирает руку, но не отстраняется. Всё ещё слишком близко.

– Умная девочка, – бросает он.

Машина движется вперёд. Мы подъезжаем к будке. Я вижу пограничника – мужчину в форме с усталым лицом. Он подходит к водительскому окну. Водитель опускает стекло.

Обмен документами. Несколько слов на... турецком? Как же так? Оборачиваюсь – грузинскую границу мы уже проехали. Получается, мы выехали из России (как же долго я спала), проехали Грузию, теперь въезжаем в Турцию и никому не интересно, что на заднем сидении девушка без докумен-

тов... Кто же он такой, этот Шахин Асланбей и какие у него связи, что он способен творить такой беспредел?

По спине пробегает противный холодок.

Пограничник наклоняется, заглядывая в салон. Его взгляд скользит по мне. Я замираю. Это мой шанс. Я должна что-то сделать, подать знак.

Но в это мгновение мне в бок упирается металл. Пистолет? А водитель уже протягивает ему что-то. Паспорта. Какие-то бумаги.

Пограничник берёт документы, перелистывает, кивает. Бросает ещё один взгляд на меня – равнодушный, скользкий – и отходит. Даже не спрашивает, кто я. Даже не просит меня показать лицо.

Шлагбаум поднимается.

Мы проезжаем.

Я сижу, уставившись в спину пограничника, который возвращается в будку. Он даже не обернулся.

– Нет, – шепчу я. – Нет, нет, нет...

– Да, – спокойно отзывается Шахин. – Добро пожаловать в Турцию, Александра.

Он знает моё имя.

Я откидываюсь на сиденье, чувствуя, как внутри всё холодеет.

– Ты... – голос срывается. Я сглатываю, заставляю себя продолжить: – Как ты смог меня вывести? Ты заплатил?

– Не всё решается деньгами, – говорит он задумчиво. –

Иногда достаточно нужных связей.

Он поворачивает голову, и я вижу его профиль. Прямой нос с лёгкой горбинкой, жёсткая линия челюсти.

– Асланбей, – произносит он. – Здесь эта фамилия много значит. Запомни.

Машина набирает скорость, уносясь вглубь чужой страны. Я смотрю в окно. Пейзаж меняется – горы, редкие деревни, дорожные знаки. Слова и буквы мне знакомы, но я не спешу в этом признаваться. Это останется моим козырем.

Я больше не кричу. Не колочу в стекло.

Пора заняться планом. Если Шахин Асланбей считает меня покорной овечкой, которую можно просто взять и увезти, – он ошибается. Годы, проведённые в детском доме, многому меня научили. Скоро он это поймёт. А когда поймёт – пожалеет, что со мной связался.

Глава 3

Пытаюсь понять, где мы едем, но не имею представления, где находится пограничный пункт и один ли он вообще.

Горы – лысые, иссечённые ветром, выжженные солнцем. Сухая земля тянется до горизонта, местами покрытая жёлтыми клочками травы. Узкая дорога вьётся между холмами, то поднимаясь, то снова ныряя вниз, к долинам. На склонах виднеются редкие селения – несколько домов с плоскими крышами и белёными стенами, сараи из серого камня, тонкие струйки дыма над очагами.

Вдали переливается озеро. Воздух совершенно прозрачен.

На обочинах пасутся тощие коровы, чёрные точки на фоне выцветшей земли. Всё кажется странно безмолвным – как будто этот край живёт в собственном времени, не спеша, не замечая нас.

Голова больше не раскалывается. Тошнота отступила. Тепло снова моё – готово драться. Я сижу на заднем сиденье, выпрямив спину, и смотрю в окно на проносящийся мимо пейзаж.

Шахин – впереди, рядом с водителем. Профиль спокойный, почти расслабленный. Он разговаривает по телефону – тихо, размеренно, на турецком. Я понимаю почти каждое

слово, но не подаю виду. Это моё преимущество. Единственное, что у меня есть.

Он отдаёт кому-то распоряжения. Что-то о доме. О подготовке комнаты. О том, что «она» приедет к вечеру.

Я – «она». Груз. Посылка.

Ярость, которую я сдерживала всю дорогу, вспыхивает с новой силой.

– Хочу пить.

Мой голос звучит резко в тишине салона. Шахин заканчивает разговор и убирает телефон. Поворачивается ко мне. В его взгляде – оценка.

– Вода в заднем кармане кресла, – говорит он, кивая на спинку передней пассажирской стороны.

Я нахожу бутылку, откручиваю крышку и пью жадно, не отрывая от него взгляда. Вода холодная, освежающая, но не утоляет жажду мести, которая горит где-то в груди.

– Куда ты меня везёшь?

– Домой.

– Мой дом в Петербурге.

– Больше нет, – его голос остаётся ровным, но в нём звучит абсолютная уверенность. – Теперь твой дом там, где я скажу. Пока не надоешь.

Я сжимаю бутылку так сильно, что пластик трещит.

– У тебя нет права.

– У меня есть всё, – обрывает он. – И ты это поймёшь.

Он поворачивается обратно, давая мне понять, что разго-

вор окончен.

Но я не из тех, кто покорно молчит.

– Меня ищут, – говорю я громче. – Полиция. Мой университет. Люди уже знают, что я пропала.

– Пусть ищут, – он даже не оборачивается. – Здесь их юрисдикция не работает.

– Есть посольство.

– Тоже не поможет. – Теперь он всё же смотрит на меня через зеркало заднего вида. В его глазах мелькает что-то похожее на скуку. – Александра, давай не будем тратить время на пустые угрозы, которые ты не сможешь осуществить. Ты умная девушка. Ты уже поняла, что я могу всё.

Умная девушка. Он говорит это так покровительственно, будто я ребёнок, которого нужно успокоить.

– Иди к чёрту.

Брови Шахина слегка приподнимаются. Кажется, это первое, что вызывает у него настоящую реакцию.

– У тебя дерзкий язык, – замечает он. – Это придётся исправлять.

– Попробуй.

Молчание. Долгое, тяжёлое молчание. Потом он говорит с водителем. Тот кивает и через несколько минут сворачивает к придорожному кафе.

Машина останавливается.

Шахин выходит, обходит автомобиль и открывает мою дверь. Я инстинктивно отшатываюсь, но он не пытается ме-

ня схватить. Просто стоит, ожидая.

– Выходи. Размять ноги. Поесть.

– Не хочу.

– Это не предложение. – В его голосе появляются стальные нотки. – Выходи. И не пытайся сбежать. У тебя нет ни денег, ни документов. Ты нелегально в стране. Поверь, тебе не понравится ни один из вариантов, которые с тобой могут случиться.

Я смотрю на него, взвешивая сказанное. Могу ли я вырваться? Убежать? Оглядываюсь по сторонам. Мы на полупустой трассе. Кафе – одинокое строение посреди выжженной солнцем земли. Ближайшая деревня – непонятно где. Я помятая, в джинсах и тонкой толстовке. Денег нет. Телефона нет.

Бежать и правда некуда.

Пока.

Я выхожу из машины. Солнце ударяет в глаза, и я щурюсь. Жарко. Намного жарче, чем было в Питере.

Шахин кладёт руку мне на поясницу, направляя к входу в кафе. Прикосновение лёгкое, почти небрежное, но в нём чувствуется власть. Я сбрасываю его руку.

– Не трогай меня.

Он останавливается. Смотрит на меня сверху вниз. Он выше, шире в плечах, и в его позе – абсолютная уверенность хищника.

– Ты можешь идти сама, – говорит он медленно, – или я

понесу тебя. Выбирай.

– Я пойду сама, – цежу я сквозь зубы.

– Умница.

Я иду вперёд, чувствуя его взгляд на спине. Водитель остаётся у машины.

Внутри кафе прохладно и почти пусто. За стойкой стоит пожилой мужчина, который при виде Шахина выпрямляется и кивает с уважением, граничащим со страхом. Стоит ли просить у него помощи? Думаю, нет. Они обмениваются несколькими фразами по-турецки. Я слышу слова «еда», «быстро», «лучшее».

Шахин указывает на столик в углу. Я сажусь, скрестив руки на груди. Он садится напротив. Между нами – потёртая деревянная столешница и пропасть ненависти.

– Ты будешь есть, – говорит он. – Не спорь.

– Или что? Будешь кормить меня насильно?

– Если понадобится.

Я смотрю ему в глаза, ища хоть намёк на блеф. Не нахожу. Он не шутит.

Хозяин приносит тарелки. Запечённое мясо, овощи, лепёшки, оливки, сыр. Запах вкусный, и мой предательский желудок урчит. Я не ела... сколько? Сутки? Больше?

– Ешь, – повторяет Шахин.

Что ж. Для разработки плана нужны силы.

Я беру лепёшку и откусываю кусок, не сводя с Шахина взгляда. Жую медленно, демонстративно. Он наблюдает за

мною с тем же невозмутимым спокойствием.

– Почему я? – вдруг спрашиваю. – Почему ты выбрал меня?

Он задумывается, словно решая, стоит ли отвечать.

– Потому что ты сказала «нет».

– Что?

– Ты отказала мне. – Он произносит это так, будто объясняет что-то очевидное. – Никто не отказывает мне. Никогда.

Я смеюсь – коротко, зло.

– И это всё? Уязвлённая гордость?

– Нет, – его взгляд темнеет. – Это не всё. Я увидел в тебе огонь. – Он наклоняется вперёд. – Мне это понравилось.

От его слов по спине пробегает холодок. Это не комплимент. Это признание охотника, который выследил добычу.

– Ты псих.

– Может быть, – соглашается он. – Но ты теперь моя. И чем быстрее ты это примешь, тем легче тебе будет.

– Этого не случится.

– Посмотрим.

– И всё же мне интересно, – решаю я уточнить, – чисто теоретически: какой у тебя план насчёт меня? Что будет, когда я тебе надоем?

– Если будешь покладистой, озолочу и отправлю домой.

Он откидывается на спинку стула, и на его губах появляется ленивая улыбка. Та самая, которую я видела в ресторане перед тем, как моя жизнь рухнула в пропасть.

– Но я не буду покладистой.

– Ты будешь сопротивляться, – говорит он задумчиво. – Будешь пытаться бежать. Это нормально. Даже ожидаемо. Но, в конце концов, ты поймёшь, что единственное безопасное место для тебя – рядом со мной.

– Безопасное? – я почти задыхаюсь от возмущения. – Ты похитил меня! Вывез из страны! Ты и есть опасность!

– Я – единственный, кто может тебя защитить, – поправляет он. – От остального мира. От моих врагов. От последствий твоих собственных глупых решений.

Я хочу швырнуть в него тарелку. Хочу закричать. Но заставляю себя сохранять спокойствие. Эмоции – это слабость. А я не могу позволить себе быть слабой.

Не сейчас.

Не перед ним.

– Ты пожалеешь, – говорю я тихо, но твёрдо. – Клянусь, ты пожалеешь, что связался со мной.

Шахин улыбается шире.

– Я буду с нетерпением этого ждать, Александра.

Мы заканчиваем есть в тишине. Каждый погружён в свои мысли. Он – в свою уверенность, что уже победил. Я – в размышления о том, как освободиться.

Когда мы возвращаемся к машине, солнце уже клонится к западу.

– Ещё несколько часов, – говорит Шахин, открывая мне дверь. – И ты увидишь свой новый дом.

Я сажусь на заднее сиденье и смотрю в окно, пока машина выезжает на трассу.

Мардин. Он везёт меня именно туда. Я поймала это название в обрывках их разговоров.

Древний город. Город из камня и крови.

Я всегда мечтала его увидеть, но не так. Какой историк искусств не грезил о Мардине? Я ведь писала о его наследии курсовую. А теперь он станет моей клеткой.

Но Шахин Асланбей ещё не знает одну вещь: у каждой клетки есть дверь, которую можно сломать. Особенно когда тебе нечего терять, а бороться есть за что.

Меня ждёт Максим. И я вернусь к нему. Чего бы это ни стоило.

Глава 4

Солнце садится, когда дорога начинает подниматься в гору.

Я вглядываюсь в окно, и несмотря на всю ярость, которая кипит внутри, не могу сдержать вздоха. Пейзаж меняется. Горы становятся выше, острее. Земля – цвета охры и терракоты. А впереди, на вершине холма, как мираж в золотых лучах заходящего солнца, возникает город.

Мардин.

Даже издалека видно, что это необычный турецкий город. Дома громоздятся друг на друга террасами, поднимаясь по склону. Всё построено из золотистого камня, будто город вырос из самой земли. Минареты вздымаются к небу тонкими иглами. Древние стены, крепостные башни – всё это дышит историей. И если бы я попала сюда добровольно, то о большем не смела бы и мечтать.

Историк во мне замирает. Византийская архитектура, арабское влияние, следы персов и арамейев. Это живой музей. Город, который я мечтала увидеть с тех пор, как впервые узнала о нём на лекции по средневековой архитектуре Ближнего Востока.

И я ненавижу себя за то, что в этот момент чувствую не только страх, но и... восхищение.

– Красиво, правда?

Голос Шахина вырывает меня из задумчивости. Он смотрит на меня через зеркало заднего вида, и в его взгляде – понимание. Он видит, что я поражена.

Я отворачиваюсь к окну, не желая давать ему это удовлетворение.

– Ничего особенного, – бросаю я холодно.

Он усмехается.

– Ты плохо лжёшь, Александра. Твои глаза выдают тебя.

Я сжимаю кулаки, но молчу. Не дам ему повода для триумфа.

Машина въезжает в город. Узкие улочки, мощёные старым камнем. Стены домов нависают с обеих сторон, почти смыкаясь над дорогой. Резные балконы, кованые решётки на окнах, деревянные двери с медными молотками. Всё старинное, всё пропитано временем.

Люди на улицах оборачиваются, провожая нашу машину взглядами. Некоторые кивают с уважением, видя номера или узнавая автомобиль. Дети бегут следом несколько метров, потом отстают.

Мы поднимаемся всё выше. Улицы становятся ещё уже, дома – ещё древнее. Наконец, машина сворачивает к массивным воротам, окованным железом.

Ворота открываются, как только мы подъезжаем. За ними – внутренний двор, вымощенный тем же медовым камнем. В центре – фонтан, окружённый апельсиновыми деревьями. Вода журчит тихо, успокаивающе.

А за двором возвышается дом.

Нет. Не дом. Особняк. Дворец.

Таш-Конак. Каменный особняк Асланбеев.

Трёхэтажная постройка с широкими террасами, резными колоннами, арочными окнами. Стены из того же золотистого камня, потемневшего от времени. На фасаде – древняя резьба, геометрические узоры и стилизованные изображения львов. Асланбей. Господин Лев.

Машина останавливается у широких ступеней, ведущих к входу.

Шахин выходит первым. Я остаюсь на месте, внезапно осознавая реальность происходящего. Это его территория. Его королевство. Здесь его слово – закон, как он и обещал.

Дверь открывается. Шахин стоит, протягивая мне руку.

– Добро пожаловать домой.

Я игнорирую его руку и выхожу сама. Ноги подкашиваются – от усталости, от страха, от осознания того, как далеко я от всего знакомого.

У входа в дом выстроились люди. Трое мужчин в тёмных костюмах – охрана. Две женщины в длинных платьях и платках. Все смотрят на меня с нескрываемым любопытством.

Впереди всех стоит женщина лет пятидесяти, может, чуть старше. Высокая, худая, с гордо поднятой головой. Волосы убраны под шёлковый тёмно-бордовый платок. Одета элегантно: длинная юбка, блуза с высоким воротом, всё в тёмных тонах. На пальцах – кольца с крупными камнями. На

лице – выражение такого ледяного презрения, что я невольно делаю шаг назад.

Она смотрит на меня, как на насекомое. Оценивает с головы до ног – растрёпанные волосы, мятую толстовку, грязные босые ноги – и её губы сжимаются в тонкую линию неодобрения.

Потом она поворачивается к Шахину и говорит. Голос тихий, но резкий.

– Это твоя новая игрушка, племянник? Ты привёз эту... эту уличную девку в дом Асланбеев?

Я понимаю каждое слово. Каждое оскорбление. Но держу лицо безучастным.

Шахин отвечает спокойно, но в его голосе – нотки предупреждения:

– Тётя, я представлю тебе Александру. Она будет жить здесь. И все будут её уважать. Прикажи подготовить для неё восточное крыло, вторую комнату с видом на долину.

Тётя. Хранительница традиций. Мой первый после Шахина враг в этом доме.

Она снова смотрит на меня, и в её глазах – холодная ненависть.

– Как скажешь, племянник, – произносит она. – Но знай: этот позор падёт на всех нас.

Она разворачивается и уходит в дом. Женщины бросают на меня последние любопытные взгляды и идут следом.

Остаёмся только мы с Шахином и трое охранников, за-

стывших по стойке смирно.

– Не обращай внимания на тётю, – говорит Шахин, снова переходя на русский. – Она старой закалки. Но она не решает.

– Мне всё равно.

Шахин улыбается – настоящей улыбкой, без холода. Впервые за всю дорогу.

Он делает шаг к лестнице, жестом приглашая меня следовать за ним.

– Пойдём. Я покажу тебе твою комнату. Ты устала. Тебе нужно отдохнуть, помыться, переодеться.

Я стою, не двигаясь.

– А если я откажусь? Просто сяду здесь и не сдвинусь с места?

Он оборачивается. Смотрит на меня долгим взглядом.

– Тогда я отнесу тебя на руках. И все в этом доме увидят, как ты сопротивляешься. Это унизит тебя, а не меня. – Он делает паузу. – Ты умнее этого, Александра. Выбери достоинство.

Он прав. Я ненавижу это, но он прав.

Я поднимаюсь за ним по ступеням. Не беру обувь из машины – хочу, чтобы боль отвлекала. Босые ступни касаются древнего камня.

У дверей Шахин останавливается и берёт меня за руку. Я дёргаюсь, пытаюсь вырваться, но его хватка железная. Он резко притягивает меня к себе, ладонью обхватывает шею,

не давая уйти, и тихо произносит у самого уха:

– Ты будешь счастлива здесь, Александра. Очень счастлива. У тебя нет другого выхода... потому что иначе захлебнёшься собственными слезами.

Глава 5

Шахин отпускает также внезапно и открывает передо мной дверь. Вопреки ожиданиям, передо мной отдельная комната. А значит, прямо сейчас я больше никого не увижу. Это хорошо.

– Твоя комната. – говорит он.

Я переступаю порог и замираю.

Это не комната. Это апартаменты.

Просторная спальня со сводчатыми потолками. Каменные стены. Огромная кровать с резным изголовьем и балдахином из лёгкой белой ткани. Персидские ковры на полу – старинные, дорогие. Низкий диван у окна, заваленный подушками. Столик из тёмного дерева, инкрустированный перламутром. На стенах – зеркала в золочёных рамах, древние гравюры в рамках под стеклом.

А окно... Огромное арочное окно во всю стену, за которым открывается вид на долину. Месопотамская равнина расстилается внизу до самого горизонта, залитая последними лучами заходящего солнца. Золотой свет окрашивает всё в тёплые тона.

– Ванная комната там, – Шахин указывает на дверь слева. – Гардеробная – справа. Я распорядился, чтобы тебе подготовили одежду. Если что-то не подойдёт, скажи.

Я оборачиваюсь к нему.

– Мне ничего не нужно. Золотая клетка всё равно остаётся клеткой.

– Возможно, – он проходит к окну, смотрит на вид. – Но я предпочитаю, чтобы мои вещи содержались в надлежащих условиях.

Ярость вспыхивает снова, горячая и яркая.

– Я не твоя вещь.

Он поворачивается ко мне. В свете заката его лицо кажется высеченным из того же золотистого камня, что и дом.

– Пока ты здесь, под моей крышей, на моей земле – ты моя, – говорит он медленно, чеканя каждое слово. – Чем быстрее ты это примешь, тем проще будет для нас обоих.

– Никогда.

Он делает шаг. Потом ещё один. Я отступаю, пока не упрусь спиной в стену.

Шахин ставит руки по обе стороны от моей головы, запирая меня между собой и камнем. Он не касается меня, но я чувствую жар его тела, запах – что-то терпкое, древесное, смешанное с дымом.

– Ты будешь бороться, – говорит он тихо, глядя мне прямо в глаза. – Я это знаю. Ты будешь пытаться бежать. Это тоже понятно. Но слушай меня внимательно, Александра.

Он наклоняется ближе, и его дыхание касается моей щеки.

– Здесь нет выхода, который я не контролирую. Нет человека, который не подчиняется мне. Нет места, куда ты смо-

жешь спрятаться. Этот город – моя территория. Эти люди – моя семья. Они преданы мне, а не тебе.

Его голос – бархатный, почти ласковый, но слова режут.

– Ты можешь кричать – тебя не услышат. Ты можешь бежать – тебя вернут. Ты можешь молить о помощи – но помощь не придёт. – Он выдерживает паузу. – Единственный человек в этом мире, который может защитить тебя, – это я. Пойми.

Я смотрю ему в глаза – тёмные, непроницаемые – и вижу в них абсолютную уверенность. Он не блефует. Он не угрожает ради эффекта. Он констатирует факт.

– Иди к чёрту, – шепчу я.

На его губах появляется призраक улыбки.

– Возможно, я там уже и есть. – Он отстраняется, освобождая меня. – Отдыхай. Тебе принесут ужин. Утром мы поговорим о правилах.

Он идёт к двери. Я жду, когда он выйдет и запрет её снаружи.

Но он останавливается на пороге и оборачивается.

– Дверь не заперта, – говорит он. – Ты можешь выйти в любой момент. Можешь гулять по дому. По двору. Даже попытаться дойти до ворот.

Я смотрю на него недоверчиво.

– Это ловушка.

– Нет. Это урок. – Его взгляд темнеет. – Я хочу, чтобы ты сама убедилась, что пути для побега нет. Попробуй. Посмот-

ри, как далеко ты уйдёшь. Поговори с домашними, с охраной. Попроси их о помощи.

Он делает паузу, и его улыбка становится жёстче.

– И когда ты поймёшь, что никто тебе не поможет, что у тебя нет выбора... возможно, тогда ты перестанешь тратить энергию на бесполезное сопротивление и начнёшь привыкать к своей новой жизни.

Он выходит. Дверь закрывается тихо.

Я стою, не двигаясь, прислушиваясь к его шагам, удаляющимся по коридору. Потом тишина.

Я одна.

Медленно подхожу к двери. Кладу руку на ручку. Поворачиваю.

Дверь открывается.

Он не солгал.

Я выглядываю во внутренний двор. Пусто. Сгущаются сумерки.

Могу ли я пойти? Попытаться найти выход?

Но даже если найду – куда бежать? Босая, без денег, без документов, в чужой стране, где меня никто не знает, а его знают все?

Он прав. Проклятье, он прав.

Но я должна попытаться.

И я выхожу.

Глава 6

Попадаю в верхний дворик. Под босыми ногами – неров-

ный камень, всё ещё хранящий дневное тепло. Сверху – звёздное небо, такое близкое, что, кажется, протяни руку – и коснёшься мерцающих точек. Вокруг тишина, какой я в жизни не слышала – не городская, не деревенская, а древняя, первозданная. Пахнет ночным теплом и сладостью.

Посередине дворика – огромный стол из тёмного дерева, за которым могли бы ужинать два десятка человек. Дальше – стена, высокая, увенчанная металлическими пиками.

Прыгнуть? Можно попытаться спуститься на нижнюю террасу и мазнуть через ограждение. Но дальше что? Охрана наверняка патрулирует двор. И даже если я выберусь за стену – куда бежать по ночному Мардину, босая и без денег? В чужой стране, где никого не знаю.

Нет. Побег требует подготовки.

Обхожу террасу, придерживаясь за шершавую каменную стену. Поворот направо. Три двери – тяжёлые, деревянные, с железными петлями. Все закрыты. Дальше – лестница, по которой мы поднимались вечером. Она же продолжается наверх, теряясь в темноте.

Поднимаюсь на верхний уровень. Ещё одна терраса – меньше и уютнее.

Куда ни глянь – ночь, бархатная и густая. Но из темноты тут и там вырываются огни далёких селений, как рассыпанные по чёрному бархату алмазы. Что за люди там живут? Если я сумею добраться до них, согласятся ли они помочь пленнице?

Спускаюсь обратно и дальше на первый уровень. Издалека доносится, как журчит фонтан – мягкое, убаюкивающее бормотание воды. Листья апельсинового дерева замерли в безветрии.

Внизу – одна большая дверь. Она приоткрыта, и сквозь щель пробивается слабый свет. Я замираю, прислушиваюсь. Тишина. Решаю заглянуть.

Вижу огромный зал с низкими диванами вдоль стен, устланными подушками и коврами. Что-то ещё угадывается в темноте – может, старинные сундуки. Выныриваю обратно, сердце колотится.

Прохожу мимо нескольких комнат – одна похожа на кухню (медная посуда на стенах, запах специй), другие заперты, и я не понимаю, что внутри. Везде роскошь, старина, история. Каждый камень, каждая дверь хранят тайны.

Наконец, приближаюсь к воротам.

У ворот, в тени каменной арки, стоит человек. Охранник. Силуэт неподвижный, как изваяние. Он смотрит на меня, но не двигается.

Я подхожу ближе, заставляя себя идти уверенно. Он выпрямляется.

– Помогите мне, – говорю я по-английски, не желая выдавать знание турецкого. Здесь я никому не доверяю. – Пожалуйста. Меня похитили. Мне нужно вернуться домой.

Охранник смотрит на меня без выражения. Тёмные глаза, непроницаемые, как ночное небо над головой.

– Вернитесь в дом, Александра ханым, – отвечает он вежливо на турецком.

Делаю вид, что не понимаю.

– Пожалуйста. – продолжаю. – Я здесь против воли. Шахин Асланбей – настоящий преступник. Он похитил меня. Пожалуйста, позвоните в полицию, или в посольство.

– Шахин бей приказал обеспечить вашу безопасность, – обрывает он меня, и в голосе нет ни капли сомнения. – Вы в безопасности здесь. Возвращайтесь в дом.

Его рука ложится на рукоять пистолета на поясе. Не угрожающе. Просто напоминание о том, кто здесь главный.

Я понимаю – он не поможет. Никто не поможет. Для всех в этом доме я – собственность хозяина.

Шахин был прав.

Я разворачиваюсь и иду обратно, сжав кулаки до боли. Поднимаюсь по лестнице, считая ступени – двадцать три. Возвращаюсь в свою комнату. Остальные уголки исследую позже. Сейчас нужно переварить урок.

Только когда дверь закрывается за мной, я позволяю себе выдохнуть.

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

– Да?

Дверь открывается. Входит одна из женщин, которых я видела у входа вечером. Молодая женщина в платке. Она несёт поднос. Странно – я никого не видела внизу и думала, все давно спят. Сейчас, наверное, за полночь.

– Ужин, Александра ханым, – говорит она тихо по-турецки, не встречаясь со мной взглядом.

Ставит поднос на столик и быстро уходит, закрывая за собой дверь.

Я подхожу к подносу. Суп в глиняной миске, дымящийся и ароматный. Лепёшки, ещё тёплые. Мясо с овощами, запечённое с травами. Салат с гранатовыми зёрнами. Всё пахнет вкусно, по-домашнему.

Я голодна. Желудок сводит от одного только запаха. Но я не хочу принимать еду в его доме. Не хочу быть благодарной. Не хочу, чтобы моё тело привыкало к комфорту этой клетки.

Что, если просто не есть? Совсем. Быть может, он не захочет со мной возиться и отвезёт обратно? Или испугается, что я умру, и это станет для него проблемой?

Я решаю попробовать этот способ. С чего-то же нужно начать. Может, голодовка и не поможет, но вдруг.

Шахин показал мне мою клетку. Показал, что спасения нет. Что никто не поможет.

Но у каждой клетки есть слабое место. У каждой системы есть уязвимость.

Мне нужно найти её.

Для начала – голодовка. А там посмотрим.

Стоять у окна и предаваться отчаянию – роскошь, которую я не могу себе позволить.

Я отхожу от окна и начинаю методично осматривать комнату. Если я застряла здесь, мне нужно знать каждый санти-

метр моей клетки. Знание – это оружие.

Начинаю с двери в ванную.

Открываю её и застываю на пороге. Ванная размером с мою комнату в Питере. Каменный пол с подогревом – я чувствую тепло даже босыми ногами, приятное, расслабляющее. Огромная ванна на львиных лапах, в которой можно плавать. Отдельная душевая кабина со стеклянными дверями и дождевой лейкой. Каменная раковина с бронзовым краном. Зеркало в кованой раме во всю стену – в нём я вижу себя: бледная, с растрёпанными волосами, в мятой одежде. Призрак в роскошных декорациях.

На полке – аккуратно сложенные полотенца цвета слоновой кости, халат из мягкой махровой ткани. Флаконы с шампунями, гелями для душа, лосьонами – всё дорогое, с французскими и итальянскими этикетками.

Я беру один флакон, нюхаю. Жасмин и что-то ещё, восточное – может, амбра. Ставлю обратно.

На краю раковины – новая зубная щётка в упаковке, зубная паста, расчёска, какие-то крема.

Всё продумано. Всё подготовлено. Но для кого? Шахин позвонил кому-то и приказал подготовить комнату для меня, или эта комната всегда готова к визиту очередной пленницы? Сколько женщин до меня стояли перед этим зеркалом?

Возвращаюсь в спальню и направляюсь к гардеробной. Открываю дверь – и снова останавливаюсь в изумлении.

Целая комната. Встроенные шкафы вдоль каменных стен.

И они заполнены одеждой. Новой. Дорогой.

Платья – длинные, повседневные, вечерние. Шёлковые блузки. Юбки в пол. Льняные брюки. Джинсы. Платки из тончайшего шифона. Всё выглядит новым, с бирками. Всё моего размера.

Как он узнал мой размер?

Я провожу рукой по ткани одного из платьев. Шёлк. Дорогой, скользящий между пальцами. Цвет изумруда, глубокий и насыщенный.

Он хочет одеть меня, как куклу. Сделать меня красивой игрушкой в своей коллекции. Стереть мою личность и заменить её образом, который нравится ему.

Я задвигаю платье обратно. Ничего отсюда надевать не стану. Буду ходить в своём, пока оно не истлеет.

На полу гардеробной – обувь. Туфли на каблуках, балетки, кроссовки, босоножки. Аккуратные туфельки в восточном стиле, расшитые камнями – такие, как на миниатюрах в музеях. Так и хочется взять в руку, потрогать, посмотреть вблизи на искусную работу.

Нужно будет потребовать мои кроссовки из машины. Не могу же я вечно ходить босиком.

Возвращаюсь в спальню и продолжаю осмотр.

Подхожу к столику возле кровати. На нём – ваза с цветами. Красные розы, бутоны тугие, ещё не раскрывшиеся полностью. Их аромат наполняет комнату, сладкий и тяжёлый. Рядом – хрустальный графин с водой и стакан. Блюдо с фрук-

тами – виноград, инжир, персики, гранаты – всё спелое, налитое соком.

Открываю ящик стола. Пусто. Никаких ручек, бумаги, ничего, что могло бы пригодиться.

Проверяю другие ящики. Везде пусто. Конечно. Шахин слишком предусмотрителен, чтобы оставить что-то полезное.

Не притрагиваюсь к подносу с едой и иду в ванную. Раздеваюсь. Включаю душ. Горячая вода обжигает кожу, смывая грязь дороги, пот страха, ощущение его рук на моей шее.

Я стою под струями воды и позволяю себе момент слабости. Закрываю глаза. Представляю, что вода смывает не только грязь, но и последние часы. Что сейчас я проснусь в своей комнате, и соседка будет ворчать, что я опять проспала первую пару.

Максим. Прости меня. Я не приду в субботу. Ты не бросишься мне на шею, не назовёшь меня твоей любимой Санькой. Но я обещаю – я найду способ вернуться. Клянусь тебе.

Выхожу из душа, вытираюсь мягким полотенцем. Надеваю халат – он пахнет лавандой. Стираю руками в раковине свои вещи и развешиваю куда придётся: нижнее бельё на край ванны, футболку на дверцу душевой кабины, джинсы на спинку стула. Сушилки нигде нет.

Я слишком устала. Подхожу к кровати. Она огромная, мягкая, застеленная покрывалом с вышитыми узорами. Простыни из хлопка – я узнаю по ощущениям, мама любила та-

кие, когда была жива. Подушки пуховые, их так много, что можно построить крепость.

Я забираюсь под одеяло. Гашу свет.

В темноте комната кажется ещё больше. За окном мерцают далёкие огни. Где-то вдали слышен звук – протяжный, тягучий, полный древнего смысла. Он несётся по долине раскатистыми волнами, и от этого хочется плакать. Должно быть, это муэдзин призывает верующих к молитве.

Я лежу с открытыми глазами, глядя в темноту.

Завтра начну искать слабое место в этой клетке.

А сегодня просто выживу.

Закрываю глаза.

И тут слышу звук – тихий скрип. Дверь. Моя дверь медленно открывается, и старые петли жалуются на каждый миллиметр движения.

Глаза распахиваются. Я замираю, не дыша, вцепившись в одеяло.

Глава 7

Дверь медленно открывается, и старые петли жалуются на каждый миллиметр движения.

Я замираю под одеялом, не дыша, вцепившись пальцами в ткань. Сердце колотится так громко, что, кажется, его слышно по всему Мардину.

Неужели...

Нет, это не Шахин.

Силуэт в дверном проёме – женский.

Облегчение накатывает волной, но тут же сменяется новым страхом. Кто это? Что ей нужно?

Фигура замирает на пороге, словно сама боится войти. Я вглядываюсь в темноту, пытаюсь разглядеть лицо. Луна льётся через огромное арочное окно, заливая комнату серебристым светом, и я вижу женщину не старше тридцати пяти – худую, почти призрачную, в длинном тёмном платье. Волосы распущены, чёрные, до пояса. Она стоит неподвижно, и в лунном свете кажется существом из другого мира.

Потом она тихо, очень тихо ступает в комнату и прикрывает за собой дверь.

Я инстинктивно натягиваю одеяло ещё выше. Готовлюсь кричать, если понадобится. Или драться. Хотя что я могу против кого-то здесь?

Женщина делает шаг. Потом ещё один. Двигается медлен-

но и осторожно.

Она останавливается в нескольких шагах от кровати. Я вижу её лицо – бледное, измождённое, с острыми скулами и запавшими глазами. Но черты знакомые. Слишком знакомые. Те же резкие линии, что у Шахина. Тот же изгиб бровей. Та же горбинка на носу.

Родственница.

Мы смотрим друг на друга в тишине. Она изучает меня долгим, пристальным взглядом. В её глазах нет враждебности тёти Шахина. Нет любопытства тётиных помощниц. Там что-то другое. Что-то, отчего сжимается горло.

Сочувствие.

– Не бойся, – говорит она тихо.

По-турецки. Говор отличается от того, что я изучала в университете, впрочем, как у всех здесь. Но я её понимаю.

Однако делаю нарочито непонимающее лицо. Хмурюсь. Качаю головой, стараясь, чтобы это выглядело естественно.

– I don't understand, – выдавливаю я. – Who are you?

Английский звучит слишком громко в ночной тишине. Слишком резко.

Женщина смотрит на меня. И на её губах появляется грустная улыбка.

– Ты понимаешь меня, – говорит она мягко, всё ещё по-турецки. Голос у неё тихий, но уверенный. – Я вижу это по твоим глазам. Они вздрагивают, когда я говорю. Совсем чуть-чуть. Но вздрагивают.

Я сжимаю кулаки под одеялом.

Я упрямо молчу, глядя на неё с показным непониманием. Это может быть ловушка. Шахин мог прислать её проверить меня. Или его тётя – чтобы получить ещё один козырь против меня.

Женщина медленно, с какой-то осторожной грацией, садится на самый край кровати. Я инстинктивно отодвигаюсь, прижимаясь спиной к кованому изголовью. Она замечает это и останавливается, не приближаясь больше.

– Меня зовут Мелек, – говорит она. – Я сестра Шахина. Старшая сестра.

Она делает паузу, ожидая реакции.

Я держу лицо неподвижным. Но теперь понимаю, откуда взялось сходство. Но если Шахин – это сила и власть, то она – тень. Призрак того, кем могла бы быть.

– Ты можешь не отвечать мне, – продолжает Мелек, и в её голосе нет обиды. Только усталость. – ты можешь притворяться, что не понимаешь. Это умно. В этом доме осторожность – твоё лучшее оружие.

Она отводит взгляд, смотрит в окно. На звёзды, густо рассыпанные по чёрному небу.

– Но я всё равно буду говорить, – добавляет она тихо. – потому что мне нужно тебе кое-что сказать. А ты... – она снова смотрит на меня, – ты решишь сама, верить мне или нет.

Я не двигаюсь. Не говорю. Просто смотрю на неё, на эту

странную женщину-призрака, которая пришла ко мне посреди ночи.

Часть меня хочет закричать, позвать на помощь. Другая часть – та, что выжила в детском доме, которая научилась читать людей, – говорит мне ждать. Слушать.

Потому что в её глазах я вижу то, что знаю слишком хорошо.

Боль.

Мелек молчит несколько секунд, собираясь с мыслями. Её пальцы нервно теребят край платья – единственное, что выдаёт её волнение.

– Я видела, как ты смотрела на Шахина сегодня вечером, – говорит она наконец. – видела твою злость, желание бороться.

Она поворачивается ко мне. В лунном свете её лицо кажется высеченным из мрамора.

– Я была такой же. Много лет назад.

Я непроизвольно напрягаюсь. Что она имеет в виду? Её тоже держали где-то против воли?

Мелек продолжает, и в её голосе – боль прожитого:

– Не борись с ним в открытую. Пожалуйста. – она почти умоляет. – Ты только сделаешь себе хуже. Он... он не привык к неповиновению. Ему никто никогда не говорит «нет». А когда говорят...

Она замолкает, и я вижу, как её челюсть сжимается.

– А тётя Хюмейра, – голос становится жёстче, – наша тё-

тя... она использует каждый твой промах против тебя.

Мелек вздыхает.

– Тётя Хюмейра ненавидит слабость. Но ещё больше она ненавидит тех, кто угрожает её власти в этом доме. Она и маму нашу не любила. А ты теперь для неё угроза. Самая большая угроза за все последние годы.

Я лежу неподвижно, стараясь сохранять безразличное выражение лица. Но внутри всё сжимается. Я вспоминаю тётю – её ледяной взгляд, презрительно поджатые губы, то, как она смотрела на меня, будто на грязь под ногами.

– Я знаю, ты хочешь бежать, – Мелек наклоняется ближе и шепчет: – Я вижу это. Ты планируешь. Ищешь выходы. Я тоже так делала когда-то.

Мороз по коже. Она всё видит.

– Но будь осторожна, – её голос становится умоляющим. – очень, очень осторожна. Потому что, если ты попытаешься и провалишься... он лишит тебя даже той маленькой свободы, что есть сейчас.

Она отстраняется, и на её лице – такая боль, что мне хочется спросить. Что с ней случилось?

Мелек замолкает. Смотрит на свои руки. Я вижу, как она борется с собой, размышляя говорить дальше, или нет.

Потом она поднимает голову, и в её глазах появляется что-то новое. Нежность.

– Я знаю его с детства, – говорит она мягко. – Шахина. Моего младшего брата.

В её голосе столько тепла, что я невольно вздрагиваю. Как можно так говорить о человеке, который...

– Он не чудовище, – продолжает Мелек, словно читая мои мысли. – Я знаю, ты думаешь, что он чудовище. Что он монстр, который похитил тебя, разрушил твою жизнь. – она качает головой. – Но он не такой.

Гнев вспыхивает во мне, горячий и яркий. Я сжимаю одеяло пальцами. Хочу закричать: Он ещё хуже, чем такой!

Но я должна держать лицо каменным. Хотя уже сомневаюсь, что получается.

Мелек смотрит куда-то вдаль, сквозь меня, сквозь стены, в прошлое.

– Он потерял всех, кого любил, – говорит она тихо. – Нашего отца убили на горной дороге недалеко от сирийской границы. Его машину расстреляли люди из враждебного клана. Я помню тот день. Шахину было двенадцать. Совсем ещё ребёнок. Он вернулся домой из школы, и ему сказали... – её голос дрожит. – Я видела, как что-то сломалось в нём в тот момент.

Она делает паузу, сглатывая.

– А мама... Мама не смогла пережить потерю. Она любила отца так сильно, что когда он умер, часть её умерла вместе с ним. Она просто... угасла. Год спустя её не стало. Она умерла во сне, и врачи сказали, что сердце остановилось. Но я знаю правду. Она не хотела больше жить.

Мелек касается своей груди, там, где сердце.

– Шахин был слишком молод, когда взвалил на себя семью. Всю ответственность. Людей, которые зависят от него. – голос Мелек срывается. – Он научился не привязываться. Не любить. Потому что для него любовь – это потеря. Боль. Смерть.

Она поворачивается ко мне, и в её глазах блестят слёзы.

– Он боится снова потерять кого-то. Вот почему думает, что никого не любит. Так проще.

Я лежу, глядя на неё, и что-то шевелится внутри. Что-то, что я не хочу чувствовать.

Понимание.

«Нет», – жёстко говорю я себе. Нет. Это не оправдание. Многие теряют родителей. Я потеряла. Но я не похищаю людей.

Но образ всё равно всплывает в голове – Шахин, ребёнок, получающий весть о смерти отца. Шахин у постели мёртвой матери.

Я отгоняю эти мысли. Мне нельзя его жалеть. Нельзя.

Мелек смотрит на меня долгим взглядом.

– Я не оправдываю то, что он сделал, – говорит она, словно снова читая мои мысли. – То, что он делает с тобой. Это неправильно. Это жестоко. Но я хочу, чтобы ты знала... – она выдерживает паузу, – он способен на большее. На лучшее. Просто он забыл, как быть человеком.

В моей голове роятся вопросы. Сотни вопросов.

Почему ты здесь, в этой комнате, посреди ночи? Почему

говоришь со мной, рискуя? Что случилось с тобой? Почему ты такая худая, такая бледная? Почему тебя не было у ворот, когда меня привезли? Где ты вообще живёшь в этом доме? Почему тётя здесь хозяйка, а не ты? Почему? Почему?..

Я смотрю на Мелек – на её измождённое лицо, на запавшие глаза, на слишком острые скулы. На платье, которое висит на ней, как на вешалке. На руки, такие тонкие, что, кажется, их можно сломать одним неосторожным движением.

Она не просто худая. Она истощена. Как человек, который долго голодал. Или болел. Или...

«Я была такой же. Много лет назад», – сказала она.

Что она имела в виду?

Вопросы толкутся у меня в горле, рвутся наружу. Я почти открываю рот, почти спрашиваю.

Но останавливаю себя в последний момент.

Если я заговорю по-турецки, я выдам своё оружие. Своё единственное преимущество. Возможность подслушивать, понимать, знать то, что они думают, что я не знаю.

Я не могу это потерять. Не сейчас. Я ещё не знаю, кто эта женщина на самом деле. Союзник? Враг? Шпионка Шахина? Или ещё одна пленница в этом доме?

Но я смотрю на неё и чувствую тепло.

Мелек встаёт. Медленно, осторожно, будто её тело болит от каждого движения. Она разглаживает платье дрожащими пальцами.

– Я просто хотела, чтобы ты знала, – говорит она тихо, –

ты здесь не одна.

Она делает шаг к двери. Рука тянется к ручке.

Потом останавливается. Оборачивается.

– Спи, – говорит она мягко.

И выходит.

Я падаю на подушку. Лежу неподвижно, глядя в потолок со сводчатыми арками. Слова Мелек крутятся в голове, как осколки разбитого зеркала.

Я закрываю глаза, стараясь заснуть.

Почти проваливаюсь в дремоту, когда в тишине особняка раздаётся крик.

Протяжный, женский, полный страха.

Я срываюсь с кровати – и в два шага уже у двери.

Глава 8

Почти проваливаюсь в дремоту. Веки тяжелеют. Образ Мелек медленно расплывается в темноте. Дыхание замедляется. Тело начинает погружаться в сон.

И тут в тишине особняка раздаётся крик.

Протяжный, женский, полный страха и боли.

Адреналин взрывается в крови. Я срываюсь с кровати – и в два шага уже у двери. Сердце колотится. Руки дрожат, когда я хватаюсь за холодную ручку.

Голоса. Внизу. Женские голоса – один тихий, всхлипывающий, другой резкий, злобный.

Что-то случилось с Мелек!

Я выскальзываю во дворик. Прижимаюсь к стене, двигаюсь к лестнице. Каждый шаг отдаётся эхом в тишине, и я замираю, прислушиваясь.

Звуки становятся чётче. Плач. Злобное шипение.

Я добираюсь до поворота. Впереди – арка, ведущая в другую часть дворика. Оттуда льётся лунный свет и доносятся голоса.

Осторожно выглядываю из-за угла.

И замираю.

Хюмейра в центре. Её фигура – прямая, властная – отбрасывает длинную зловещую тень на камни. В руке она сжимает чёрные волосы.

Волосы Мелек.

Мелек на коленях перед ней. Голова запрокинута назад. Лицо искажено болью. Она тихо плачет, но не пытается вырваться.

Хюмейра наклоняется к ней и шипит. Голос низкий, полный яда:

– Позор нашей семьи. Ты всегда была позором.

Она дёргает волосы. Мелек вскрикивает.

– Распущенная шлюха, которая опозорила имя Асланбев. Ты думала, я забыла? Думала, тебе все простили?

Ещё один рывок. Мелек всхлипывает, но не произносит ни слова.

– Надо было тебя убить тогда же, – продолжает Хюмейра, и в её голосе такая ненависть, что у меня внутри всё холодеет. – Твой позор стоил нам крови!

Я сжимаю кулаки. Хочу выйти. Хочу закричать. Но ноги не слушаются.

Хюмейра отпускает волосы и бьёт Мелек по лицу. Звук удара эхом разносится по двору. Мелек падает на камни.

– Ты бельмо на глазу семьи, – выплёвывает тётя. – Постоянное напоминание о нашем падении. И теперь ты смеешь шататься по дому по ночам? Что ты вынюхивала, бесстыжая?

Кровь стучит в висках. Я делаю шаг вперёд, уже не думая о последствиях.

Но тут из темноты появляется Шахин.

Он движется бесшумно, как хищник. Широкие плечи,

прямая спина. В лунном свете его лицо кажется высеченным из камня.

– Отпусти её, – голос низкий, ледяной. – Немедленно.

Хюмейра вздрагивает. Оборачивается. На её лице мелькает что-то похожее на страх, но она быстро прячет его за маской праведного гнева.

– Племянник, ты не понимаешь. Эта тварь...

– Я сказал – отпусти.

Он делает шаг вперёд. Всего один. Но в этом движении столько власти, столько холодной угрозы, что даже я, спрятавшаяся за углом, чувствую, как мурашки бегут по коже.

Хюмейра медленно разжимает пальцы. Волосы Мелек выскальзывают из её руки. Мелек съёживается на камнях, обхватив голову руками.

Тётя выпрямляется, пытаясь сохранить достоинство. Поднимает подбородок.

– Ты слишком мягок с ней, Шахин. Она должна была умереть за то, что сделала.

– Замолчи.

– Из-за неё погиб твой отец! – голос Хюмейры срывается. – Её вина! Её кровь должна смыть позор!

Шахин не двигается. Стоит неподвижно как статуя. Но в воздухе что-то меняется.

– Ещё одно слово, – произносит он тихо, очень тихо, – и ты покинешь этот дом, тётя.

Пауза. Хюмейра бледнеет.

– Ты не посмеешь...

– Испытай меня.

Они смотрят друг на друга. Битва взглядов. Битва воли двух людей.

Хюмейра отводит глаза первой.

– Никто не тронет Мелек, – продолжает Шахин, и в его голосе звучит абсолютная власть. – Никто. Это мой приказ. В последний раз повторяю.

Хюмейра стоит, сжав кулаки. На её лице – плохо скрытая ненависть. Потом она переводит взгляд на скорчившуюся на камнях Мелек.

– Рано или поздно ты это поймёшь, что я права, племянник. – бросает тётя. – И тогда пожалеешь о своей мягкости.

Она разворачивается и идёт прочь. Спина прямая, шаги размеренные. Но я вижу, как дрожат её руки.

Она проходит мимо моего укрытия. Я прижимаюсь к стене не дыша.

Когда Хюмейра уходит, я осторожно выглядываю снова.

Шахин стоит неподвижно несколько секунд. Потом медленно подходит к Мелек. Наклоняется. Протягивает руку.

Мелек вздрагивает, словно ожидая удара. Но он просто берёт её за руку и помогает подняться.

Она встаёт на дрожащих ногах. И тут её плечи начинают трястись. Беззвучные рыдания сотрясают худое тело.

Шахин обнимает сестру.

Я застываю.

Это не властный жест. Не демонстрация контроля. Это... нежность. Осторожная, почти отцовская нежность к старшей сестре.

Он прижимает её голову к своему плечу. Гладит по спутанным волосам. Говорит что-то тихое – я не слышу слов, но интонация успокаивающая, мягкая.

Мелек прижимается к нему, как ребёнок, ищущий защиты. Её пальцы сжимают его рубашку.

Я стою за углом, не в силах отвести взгляд.

Он способен на такую нежность?

Этот человек, который похитил меня. Который держит меня здесь против воли. Который смотрел на меня с холодной властью и говорил, что я принадлежу ему.

Этот человек способен вот так обнимать плачущую сестру?

Трещина. Маленькая трещина в образе монстра, который я выстроила в голове.

Мне это не нравится.

Легче ненавидеть монстра. Легче планировать побег от чудовища. Но как ненавидеть человека, который...

Я слишком увлечена сценой. Слишком потеряна в своих мыслях.

Мне лучше уйти.

Выпрямляюсь и локтем задеваю что-то на узком выступе стены.

Керамический горшок с цветком падает.

Грохот разбивающейся керамики взрывается в ночной тишине.

Время замирает.

Шахин мгновенно поворачивает голову в мою сторону.

Наши взгляды встречаются.

Одна секунда. Одна проклятая секунда, в которой я вижу, как его глаза расширяются от удивления, потом сужаются в понимании.

Я срываюсь с места.

Хватаю осколки горшка – инстинктивно, бессмысленно, будто это что-то изменит – и бегу.

Босые ноги больно ударяются о камни. Сердце колотится в ушах. Двор кажется бесконечным.

Врываюсь в свою комнату.

Захлопываю дверь.

Прислоняюсь к ней спиной, пытаюсь отдышаться. В руках всё ещё осколки – я роняю их. Они со звоном рассыпаются по полу.

Дышу. Просто дышу.

Он видел меня. Он знает, что я была там. Что я всё слышала.

Что он сделает? Накажет? Запрёт? Лишит той призрачной свободы, что есть сейчас?

Я медленно отхожу от двери.

И застываю.

В огромном арочном окне снаружи на узком балконе –

силуэт.

Широкие плечи. Высокая фигура, которую я узнала бы в любой темноте.

Шахин.

Он стоит за стеклом, глядя на меня. Лунный свет за спиной превращает его в призрака ночи. Лица не видно. Но я чувствую его взгляд.

Глава 9

Шахин стоит за стеклом. Лунный свет за его спиной выхватывает из темноты силуэт, чеканит детали: острый ворот рубашки, прядь иссиня-чёрных волос, чуть склонённую голову.

Лица не разглядеть, но я всем телом ощущаю его взгляд – тяжёлый, пронзающий. Пячусь назад, пока не натыкаюсь на кресло. Руки сами вцепляются в холодную спинку, ища опору.

Тень за окном не шелохнётся.

– Шахин... – срывается с губ почти беззвучный шёпот. Не знаю, к кому я обращаюсь: к нему или к собственному страху.

Сердце замирает, а в следующий миг пускается вскачь, до боли сотрясая рёбра.

Я не двигаюсь. Не дышу. Застыла посреди комнаты – босая, в одном халате, с растрёпанными волосами. И он не двигается. Нас разделяют метры, стекло, ночная тишина. Но я чувствую его так остро, будто между нами натянута невидимая нить. Она дрожит, звенит от напряжения и вот-вот лопнет.

Воздух густеет, его становится трудно вдыхать.

Войдёт?

Часть меня хочет кричать: «Уйди! Оставь меня в покое!»

Другая – та, в которой я боюсь признаться даже себе, – замерла в напряжённом ожидании.

Что он сделает?

Секунды растягиваются в вечность.

В голове – чужие мысли. Его мысли: «Ты видела то, чего не должна была».

Я отшатываюсь, не желая слышать его даже в собственном сознании. Но образы вторгаются без спроса – настойчивые, безжалостные. И я снова слышу: «Глупая. Храбрая. Безрассудная Александра... Опасная девочка».

Шахин прижимает ладонь к стеклу.

Я, сама не понимая зачем, делаю шаг вперёд. И ещё один. Теперь мы стоим так близко, что нас разделяет лишь миллиметр стекла, его ладонь и моё отражение в тёмном силуэте.

Я поднимаю взгляд. В его глазах – бездна. И голод.

Паника ледяной хваткой сжимает горло. Я отшатываюсь, крепко зажмурив глаза. Не хочу. Не хочу это чувствовать. Но снова открываю и смотрю.

Его рука медленно соскальзывает со стекла.

Мы смотрим друг на друга. Между нами – пропасть.

«Ты – мой враг», – кричит всё моё существо. – «Я ненавижу тебя за то, что ты сделал. Всегда буду ненавидеть...»

Шахин едва заметно склоняет голову. Словно слышит. Словно понимает.

Он делает шаг назад, не разрывая зрительного контакта. Ещё один. Отступает к самому краю балкона, к тёмной ли-

нии перил.

Его губы шевелятся. Я не слышу, но понимаю, что он говорит:

– Спокойной ночи, Александра.

А потом он просто растворяется в ночи.

Я распахиваю дверь. Штиля больше нет. Ветер треплет волосы. В комнату врывается густое, сладкое тепло и шёпот долины – тонкий, похожий на шелест шёлка на ветру. Он катится вверх по склону, наполняя воздух почти мистическим дыханием. Лунный свет заливает балкон призрачным серебром.

Внутри всё ещё дрожит. Что это было?

Я медленно возвращаюсь в комнату. Запираю стеклянную дверь. Задёргиваю штору. Забираюсь под одеяло, пытаюсь унять дрожь.

Закрываю глаза.

Но сон не идёт.

Перед глазами – его взгляд.

Просыпаюсь от стука в дверь.

Открываю глаза. Комната залита светом – ярким, безжалостным. Солнце стоит высоко. Я проспала. Сколько сейчас времени? Не знаю. Ни часов, ни телефона у меня нет.

Голова тяжёлая. Во рту сухо. Я провалилась в беспокойную дремоту только под утро, а теперь чувствую себя разби-

той.

Стук повторяется – настойчивее.

Я сажусь на кровати, отбрасываю одеяло. Халат съехал, обнажая плечо. Поправляю его, запахиваю плотнее.

– Да? – голос хриплый, чужой.

Дверь открывается.

Входят три женщины. Молодые – лет двадцати пяти, не больше. Все в платках. Одна в зелёном, другая в синем, третья – в бордовом с золотой вышивкой.

Они несут подносы, шкатулки, свёртки ткани.

Останавливаются у порога, неуверенно переглядываются. Потом та, что в зелёном, делает шаг вперёд и говорит:

– Доброе утро, Александра ханым. Мы принесли завтрак. И... – она кивает на шкатулки, – Шахин Бей велел помочь вам подготовиться.

По-турецки. Мягкий говор, нараспев. Некоторые слова мне непонятны, и это не удивительно. Здесь, в Мардине турецкий порой обретает причудливые формы, и даже ассирийский диалект немудрено встретить.

Я смотрю на них с нарочито непонимающим лицом. Пустой взгляд. Недоумение.

– I don't understand, – произношу отчётливо.

Женщины переглядываются. В синем платке – самая молодая, почти девочка – шепчет что-то остальным. Та, что в бордовом, качает головой и отвечает тихо:

– Она не понимает по-турецки. Как же нам...

– Попробуй по-английски, – перебивает зелёная. – Ты же училась в школе.

– Думаешь, кто-то его там учит?

– Попробуй.

Бордовая морщится, но кивает. Поворачивается ко мне и мучительно медленно, с сильным акцентом, произносит:

– Доброе утро. Вот... – она показывает на шкатулки. Её английский можно назвать английским только с натяжкой. – Для тебя.

Я смотрю на неё. Молчу.

Они ждут. Напряжение растёт.

Наконец, я киваю – коротко, сухо. Не благодарю. Просто признаю, что поняла.

Облегчённо выдыхают.

Зелёная идёт к столику у окна, ставит поднос. Запах поднимается – свежий хлеб, мёд, сыр, оливки. Чай, судя по аромату – с мятой и чем-то пряным.

Желудок предательски сводит. Я не ела... сколько? Даже не помню. Уже голова кружится.

Но я не притронусь. Не доставлю ему этого удовольствия.

Синяя и бордовая подходят к кровати. Открывают шкатулки. Внутри – украшения. Золото, изумруды, жемчуг. Серьги, браслеты, цепочки. Всё старинное, тяжёлое, дорогое.

– Для вас, ханым, – говорит бордовая по-турецки, забыв, что я не понимаю. – Шахин бей хочет, чтобы вы выглядели... – она подбирает слово, – достойно.

Достоинo. Как его собственность. Как украшение в его коллекции.

Зелёная уже открыла гардеробную, достаёт платья. Расстилает их на кровати – одно за другим. Шёлк, бархат, тончайший хлопок. Цвета яркие, насыщенные – изумрудный, сапфировый, рубиновый. Всё очень дорогое и красивое, как в музее.

– Принцесса она, что ли? – кривится синяя. – мы таких нарядов сроду не видели.

Бордовая глазами просит её молчать.

– Вы должны выбрать, Александра ханым, – говорит она, снова по-турецки. – Хозяин ждёт вас. Он велел, чтобы мы помогли вам приготовиться.

Я смотрю на них. На платья. На украшения. На их старательные, услужливые лица.

Потом медленно качаю головой.

– No.

Они застывают.

– Что? – не понимает синяя.

– Она сказала «нет», – переводит бордовая, нахмурившись.

– Но... – синяя делает неуверенный шаг вперёд, – Шахин бей велел...

– No, – повторяю я громче. Поднимаюсь с кровати, выпрямляю спину. – Я не нуждаюсь в этом. – перехожу на русский, и мне всё равно, что они не понимают. Я не обязана

всё им объяснять – не напрашивалась в гости.

Показываю на платья, на украшения. Отрицательный жест – резкий, категоричный.

– Я не хочу.

Они переглядываются. В их глазах – растерянность, страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.